

(**Зарисовки детства**)

Двор в "коробочке" был да и по сей день остаётся лучшим из дворов, какие я только видел.

Со стороны "пятой школы" буквой "П" стоит дом №3 с тоннелем. Два угловых дома завершают квадрат в плане. Вдоль подъездов домов с внутренней стороны двора уложен асфальт, образующий четырёхсот метровый променад шириною около пяти метров. По углам променада, примыкая к угловым подъездам, расположены асфальтированные площадки размером примерно 20 * 20 метров со скамейками. По диагонали к угловым подъездам, метрах в тридцати, стоят островерхие домики с откидными окошками и кирпичными ступеньками. Раньше в эти домики жильцы сбрасывали мусор, потом технологию транспортировки мусора усовершенствовали, перед домиками поставили дурнопахнущие контейнеры, а домики поступили в распоряжение дворников для хранения их нехитрых оснастки и инструмента.

В моём городе все дворы изуродованы крышками погребов. Эти крышки называют "лядами", рядом с лядой торчит вытяжная труба с "грибочком" от дождя. Первыми копать погреба начали жители Черёмушек, потом эта страсть охватила весь город. В последний приезд Л.И. Брежнева в Днепродзержинск вдоль ул. Димитрова поставили фанерные заборчики, чтобы вождь не видел погребов. С тех пор прошли десятки лет. Всё жизненное пространство дворов по сей день занято лядами и столиками для поклонников домино. Но наш двор эта печальная участь минула.

В прежние годы в южной стороне двора были размещены две игровые площадки: волейбольная с двумя столбами для сетки и баскетбольная со щитами. Площадки не пустовали даже зимой, на них играли в футбол на снегу. Я уже был студентом и ко мне от "Славы" - был такой кинотеатр около памятника Прометею, - приезжал поиграть в футбол Марик Лемберг. Мама варила горячий сладкий компот и он был, как нельзя к стати, после двухчасовой беготни по снегу.

От тоннеля до помещения "трансформаторной", практически через весь двор, протянулось футбольное поле. С правой стороны от тоннеля между четвёртым и пятым подъездами в подвальном помещении

располагалась "Пионерская комната", - очень важная компонента той поры в организации жизни двора. Пионерская комната, ЖЭК проводили концерты художественной самодеятельности клубных коллективов города, заводов т.ч. с привлечением жильцов.

Пионерская комната проводит концерт в нашей «Коробочке». Я веду программу в тюбитейке - ?.

Работали кружки по интересам, в пионерской был теннисный стол, шарики, ракетки, сетка для пинг-понга. По обе стороны от футбольного поля были установлены столы со скамейками, на которых играли в домино, популярное в то время среди женщин лото, шахматы, карты, - всё зависело от состава участников. Иногда, под вечер, жена какого-нибудь серьёзного мужика, например сталевара, даже выносила ему на столик синюю эмалированную миску, доверху наполненную наваристым борщом с куском мяса, хлеб, чеснок, соточку, - сам и не раз видел. На столике перед шестым подъездом молодёжь, возраст которой уже перевалил за тинейджерский, тёмными летними вечерами слушала пластинки, слышался смех взрослеющих девушек и голоса мужающих юношей. Красивый был двор. Всё пахло новостройкой, всюду были рассажены молодые деревья, всё было свежепокрашено, свежепобелено и только что построено.

Я впервые увидел двор летом 1957 года. За плечами уже был первый класс в "первой", как её тогда называли школе. Школа номер один не говорили: первая, третья, пятая и т.д.

Отец встретил меня на пристани, так называли речной порт, куда на речных трамвайчиках привезли детвору после первой очереди для самых маленьких в пионерском лагере Дзержинки, как говорили тогда: "Из Паньковки". Дзержинка – это металлургический завод, на котором работал отец, потом и я. Уже, работая на Дзержинке, услышал поговорку: "Забудь семью и жинку и спасай Дзержинку!". Кстати, иногда так и бывало. Паньковка – это село, рядом с которым располагался пионерский лагерь.

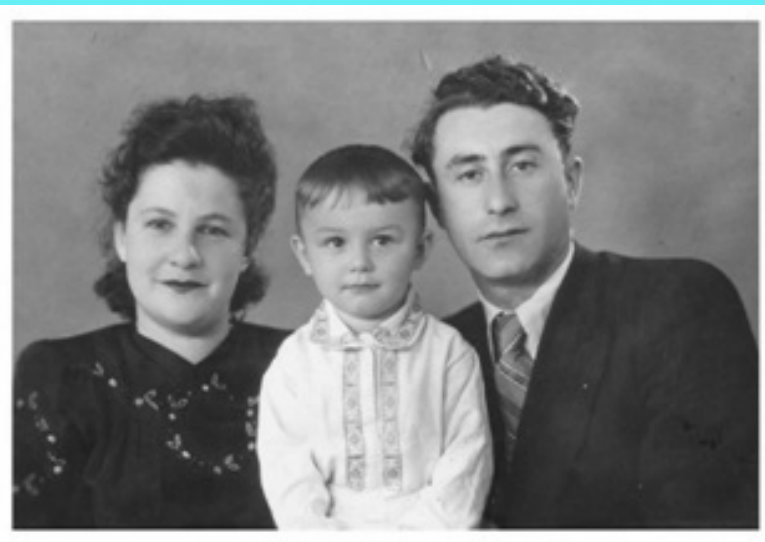

Паньковка. Столетний дуб перед столовой. Под дубом молодая поросль.

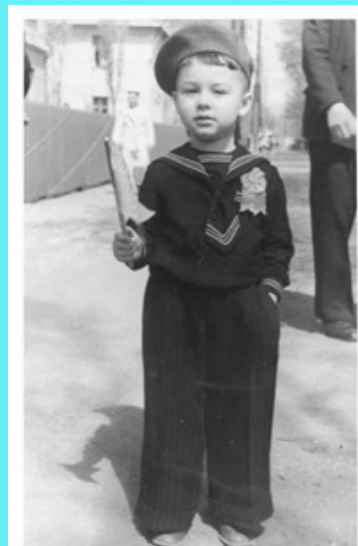

Паньковка. ДетствА пионерская моя.

Отец встретил меня, привёз в нашу новую светлую четырёх комнатную квартиру на втором этаже и умчался на завод. Потом я узнал, что по разрешению директора завода папа и дед Яков сменили две свои двух комнатные квартиры на одну четырех комнатную. Я ходил по этой громадной новой квартире ещё не понимая своим детским умом, какое это счастье жить в таких условиях с мамой, папой, дедушкой и бабушкой, как это скажется на том, каким я стану, как буду думать, относиться к людям. Я, конечно, ни о чём таком не думал. Я постигал новый для меня дом. В квартире было много непривычных устройств, которых я раньше не видел. Вместо здоровенной кухонной печи, в которую на старой квартире засыпали уголь, а в подвале старого дома он лежал свободно, на кухне стояла маленькая белая газовая печка на четыре конфорки с духовкой. В углу кухни, где-то под потолком, висел внушительных размеров синий круглый ящик - газовый счётчик. Бабушка подносила спичку к конфорке, вспыхивал голубой с красным огонёк и бабушка говорила: "Ты только посмотри, какая красота!". В ванной комнате вместо нагревательного бака, в который также засыпали уголь, и который, видимо из озорства, называли "Титан", над ванной висела, сверкая белой эмалью, газовая колонка. Двери в две большие комнаты состояли из двух половин и были "стеклянными". Я был огорчён только тем, что мой любимый кот и друг Мурзик при переезде сбежал и не захотел менять прописку. Если бы я был дома, - Мурзик, наверняка бы переехал со всей семьёй.

Мама, папа и я на старой квартире.

Первое мая. Я ещё на старой квартире.

Я первый раз самостоятельно вышел в свой новый двор. И вот оно, как потом выяснилось, знамение. Перед подъездом стоял небольших размеров бак, от него шёл незнакомый резкий запах. Рядом в тени дома лежал баллон синего цвета, от бака и баллона в подвал тянулись шланги. В подвале что-то шипело, ходили рабочие, там шёл производственный процесс. Метрах в десяти в стороне, какой-то мальчишка, таких по виду называли пацан, старше меня лет на пять, упражнялся в неведомом для меня занятии. Он бросал в лужу комки белой массы, начиналось шипение, мальчишка зажигал над шипящим комком спичку и ярко с хлопком вспыхивало голубое пламя. Зрелище тоже было яркое и свои впечатления он сопровождал чёткими матерными фразами, о которых я после пионерского лагеря, также, имел, весьма обширное представление.

Паньковка. После этой игры с третьей детской "Химика" меня пригласили на клубные тренеровки.

"Как повяжешь галстук, береги его, он ведь с нашим знаменем цвета одного".

Аппетит в Паньковке был хороший, рот не закрывался.

Паньковка. Юра Гитин - "горный пионер", человек-монумент в супер-шортах.

Почему знамение? Да просто по образованию я инженер-сварщик. Всю жизнь работал по специальности и передо мной стоял обычный ацетиленовый генератор, белой шипящей в воде массой был карбид, а рабочие в подвале варили трубы. Но тогда ничего этого я не знал. "Городской?", - спросил он и я понял, что отвечать нужно: "Да". Пацан был заметно старше, какой-то агрессивный, уверенный в себе. "Толька", - представился он. "Твой отец, наверно начальник, раз квартиру в таком доме получили. А мы живём напротив в бараках. Будем вас городских бить", - очертил мне Толька ближайшие житейские перспективы.

Действительно, со стороны улицы Ковалевича и далее влево по проспекту Ленина до углового дома, потом там был магазин "Юбилейный" на Транспортной площади (сегодня пл.Ленина), тянулись двухэтажные серые бараки. Жизнь в этих бараках накладывала свой суровый отпечаток и на взрослых и на их детей. Над всем этим я тогда не задумывался, но понимал, что предстоят бои местного значения и нужно искать друзей-соседей по новому дому. До этого мы жили в доме довоенной постройки на четвёртом этаже, прямо перед аглофабрикой и доменными печами Дзержинки и бабушка по утрам, а то и в течение дня, вытирала подоконники влажной тряпкой, - чёрная пыль появлялась просто на глазах. Первое время я всё путался, сбивался со счёта и, по привычке жить на четвёртом этаже, звонил в двери к соседям, которые жили над нами этажом выше, на третьем, но это длилось недолго. А вот старшие не путались. На второй этаж подниматься в разы легче, чем на четвёртый, сам сегодня живу на четвёртом и хорошо их понимаю. Там, как мы тогда говорили: "на старой квартире", напротив тоже были такие же бараки, такие же пацаны, но это был наш район, всех мы знали по именам, все были свои, - свой послевоенный жизненный уклад.

Со старой квартиры помнится вот, что. Во дворе стоял двухэтажный особняк довоенного директора завода И.П. Манаенкова. При Сталине его расстреляли. Было такое. Каким-то образом, даже после оккупации, в подвале особняка сохранились необычной конструкции санки для спуска с горы. Гора была рядом, начиналась метрах в двадцати от нашего подъезда. Перепад высот составлял около пятнадцати метров, длина спуска была не менее восьмидесяти метров, красота, да и только. Так вот о санках. Санки были достаточно большими и тяжёлыми. В задней части санок была металлическая рулевая колонка с ручками, как на велосипеде. Полозья санок сзади разделялись на две части, на облучке с рулевой колонкой стоял кто-то постарше, а на санки садили двоих, скажем так – дошкольников. Рядом стоящая чья-то мама говорила рулящему и это были только пацаны из бараков: "Вовка! Смотри мне, головой отвечаешь". В ответ: "Не бойтесь тётя Софа, тётя Валя и т.д.".

Раздавался боевой клич: "Погнали!" и с громким, залихватским, хулиганским свистом в исполнении Вовки болид устремлялся вниз. Благодарные малыши потом карабкались на гору кто, как мог, а Вовка и его друзья уже через пять минут были на верху горы и выдавали гарантии безопасности очередной маме или бабушке. Травм на санях никогда не было.

Во дворе была парикмахерская и там дядя Яша стриг всех от мала до велика, а во дворе стоял устойчивый запах "Тройного одеколона", вперемежку с запахом "Шипра" и "Русского леса". Потом на месте "санной трассы" построили заводскую водолечебницу, потом выше возвели здание ОАСУП, потом отселили всех жильцов…

Однажды утром меня разбудила заплаканная мама: "Юрочка, дедушка Сталин умер". У нас дома был настенный репродуктор, который на современный лад называли тарелкой. Соседи пришли послушать новости, многие плакали. Всего я, конечно, не помню, но, как во время похорон, страна прощалась со Сталиным, - запомнил. Диктор объявил минуту молчания и вдруг одновременно, сливаясь в один общий протяжный стон, раздались гудки паровозов, автомобилей, вой сирен, как при оповещении о бомбёжке, взревел и смолк последним, знаменитый и по сей день, заводской гудок. Кстати и сегодня гудит–гудит: утром в семь и вечером часов в одиннадцать, так всё в гудок и уходит. В том же 1953 году стали возвращаться "политические" и вот у нас доме появился гость. Дедушка и бабушка, я это видел, были ему искренне рады. Прошли годы и уже на новой квартире, в нашем новом дворе мы были с Пинусами соседями и наши семьи долгие годы связывала большая дружба. В 53-м мне было пять лет. Помню, что на столе стояла необычная, привезенная гостем из Москвы, большая красивая коробка конфет, взрослые о чём-то говорили, а я норовил залезть под стол, чтобы подивиться ботинкам нашего гостя. На ботинках вверху были крючки для шнурков, три пары крючков, а я такого не видел, было интересно. Соблазнённый очередной конфетой я вылез из-под стола. В разговоре взрослых я несколько раз слышал незнакомое слово Печёра.

Дядя Муня, так мне представили гостя, в это время, продолжая свой рассказ говорил: "…стояли новые белые бараки и на них чёрной краской было написано - Для жидов." Взрослым я прочитал об этом у Варлаама Шаламова. Слово "Печёра" я ещё не знал, а "жид", конечно же слышал и не раз. За окном был 1953 год, только завершалось "Дело врачей", а у нас в семье, за исключением папы и меня, в том 53-м году все были
медики.

Между старым домом и бараками и сегодня проходит асфальтовая пешеходная дорога, называется эта дорога "Проходной тупик №2". Есть рядом и Проходной тупик №1. Одесса при этом, успокоенная, - отдыхает. Асфальт протянулся под небольшим уклоном метров на сто пятьдесят, прямо к проходной №3. Заканчивалась эта дорога ступеньками к небольшому круглому бассейну. С левой стороны от бассейна стоял синий киоск, в котором тётя Дора зимой продавала подогретое пиво, а летом - газировку, мороженное, папиросы и пр. Газировка была сладкая, шибала в нос, аж дыхание останавливалось. У тёти Доры всегда были четыре сорта сиропа: вишнёвый, грушевый, яблочный и малиновый. Тётя Дора доставала из под прилавка литровую банку с сиропом и переливала её содержимое в тонкие, длинные, диаметром со стакан, стеклянные колбы. Иногда покупатели заказывали воду с двойным сиропом, - потрясающий по вкусовым качествам напиток, при этом Дора ещё и ложечкой его помешивала. После работы мужики брали у Доры стаканы для напитков, не менее потрясающих, а воду, чтоб – запить. Все были довольны, но что-то подсказывает мне, что тётя Дора была удовлетворена больше, чем другие.

По этой дороге мы катались на самодельных самокатах. Такой самокат чем-то напоминал сани из дома Манаенкова, только сделан был наоборот и из дерева. Поворотная рулевая колонка была впереди, одну ногу мальчишка ставил на опорную доску, а другой отталкивался от "земли". Фокус был в том, что вместо колёс, на самокате отцы семейств крепили подшипники качения, - шарикоподшипники. Подшипники доставали на заводе. При этом и завод продолжал успешно работать и комплектация

самокатов не страдала. При передвижении по асфальту самокат издавал страшный, но бодрящий грохот. А теперь представьте себе тёплый вечер на заводской окраине Днепродзержинска. Люди отдыхают после тяжёлой смены, кто дома, кто на скамейке под своими окнами и вдруг вечернюю тишину сменяет грохот тридцати-сорока самокатов и их восьмидесяти подшипников из кладовок ДГЗ. "Ах, чтоб вам..", - неслось в след. Как это всё было здорово!

На завод приехали китайцы. Слава Богу не все, но много. С балкона четвёртого этажа нашей старой квартиры было видно, как они шли на завод и с работы по дороге славных самокатчиков. Тёмно синие спецовки, тёмно синие кепки, - так они виделись с нашего четвёртого верхнего этажа. Когда они шли, - асфальта не было видно. Однажды родители взяли меня на прогулку в сквер на проспекте Ленина. Сквер был украшен несколькими скульптурами в духе советского реализма. Перед банком на каком-то пеньке сидел юноша в необъятной ширины шароварах, в руках у него была раскрытая книга. Острые на язык горожане, утверждали, что малый закончит читать книгу в день построения коммунизма. Мы дошли до большой, диаметром почти во всю ширину сквера, клумбы, в центре которой стояла скульптура, энергичной с виду женщины, которой было не до книг, - на руках у неё уже сидел ребёнок. Днепродзержинцы, посмеиваясь, называли эту скульптурную композицию – "догулялась!". Аналогичная барышня с ребёнком, как укор непутёвым мужикам, украшает сегодня тот же сквер, но уже в другом месте. В тот день речи об этом, со мной шестилетним мальчишкой, естественно не было. К нам подошли китайские товарищи, одетые по-летнему и с улыбками, мягко перевирая сложные для них русские слова, предложили сфотографироваться на память. Предложение прошло "На ура!". Возможно в каком-то семейном альбоме в далёком Китае хранится фотография смеющихся людей: молодых ребят из Китая, моих молодых мамы, папы и их шестилетнего Юрки. Как давно это всё было.

Давно. давно это всё было.

Мы с папой на старой квартире.

Во дворе нового дома бурлила жизнь. Дом большой, сто сорока пяти квартирный, заселялся своими первыми жильцами. Один за другим во двор заезжали грузовики, с которых разгружали шкафы, пианино, диваны, холодильники, комоды, буфеты, разобранные металлические кровати и прочую утварь. Фирм, занимающихся перевозками, погрузочными работами тогда ещё не было и для таких случаев собирались

сослуживцы, родственники, друзья и помогали всем миром. И уже в тот же вечер из окон новеньких, только что заселённых квартир, звучали прекрасные народные песни, песни из кинофильмов в исполнении новосёлов и их друзей. Пьют сейчас не меньше, поводов в достатке, но толи песни подзабыты, толи акапелла не в моде, но теперь люди хором не поют, а жаль, - на Украине петь всегда умели.

Заселялся и наш второй подъезд. Знакомились взрослые, знакомились и дети. На четвёртом этаже жили Солнцевы и Воронковы и я подружился с Витей и Васей Солнцевыми и Васей Воронковым. Витя был старше на два года, а с Василиями мы были сверстниками. На пятом этаже жили Гончаруки Борис и Виктор. Как теперь говорят, общались, находились свои мальчишечьи дела, стали заходить друг к другу в гости. В это же время открылась пионерская комната и мы ходили туда осваивать теннисный стол, брали мячи, волейбольную сетку и многое другое. В третьем подъезде жил на первом этаже Валера Черненко. Он был на год или на два старше и была в нём эдакая командирская косточка. Часто по вечерам, явно копируя отца, Валера устраивал для нас вечернюю поверку с командами: "Равняйсь! Смирно! Вольно!". Потом следовали разбор полётов и команда: "Разойдись!". Сблизились и наши отцы, все фронтовики, все с ранениями, относились друг к другу с большой симпатией, по случаю в паре "забивали козла" - играли в домино.

Валерины командирские усилия не пропали даром. Бараковцы - сверстники к нам не задирались, мы росли, учились с ними в одной школе, начинали вместе играть в футбол. Правда, иногда, после футбола, ходили разбираться в двадцать вторую школу, но это было всего пару раз и без серьёзных последствий.

Первые уроки вратарского мастерства

Пятидесятиметровый бассейн на соцгороде. Слева на право: Ю.Гитин, А.Ляшенко, А.Аронский, В.Солнцев, В.Шишлов.

Володя Строгин, Юра Гитин после восьмого класса и наш воспитатель Давид Адольфович в Евпатории. Фантастика.

Саша Аронский, Юра Гитин, Володя Артамонов, (Петя-?), Витя Резниченко, Валёк Товкевич. Фото для школьного спортивного стенда.

Стоит рассказать о том, как мы влюблялись в футбол, как играли, кто был лидером, как вообще всё это происходило. В 1956 году в Днепродзержинске появился стадион невиданной красоты – "Победа". Я потом видел немало разных стадионов в украинских городах, на многих довелось поиграть, но наш был вне всякой конкуренции. Жаль, но сегодня он не востребован, как раньше. Команда "Химик" тогда играла в классе "Б". В этом турнире, поверьте на слово, играли в очень серьёзный футбол и зрители это понимали. Всякое было: добирались на растерзанных старых, без автоматических дверей трамваях, на которых болельщики висели гроздьями, двери закрыть не было никакой возможности. Многие шли по Ленинградской от проспекта Ленина и до стадиона. Милиция в полной боевой, бабуськи с семечками – от "Лакомки".

На стадионе ОРС (Отдел рабочего снабжения) ПХЗ баловал народ шашлыками, котлетами в тесте, жареной рыбой, мороженным, пирожками, пирожными, здоровенными рогаликами с повидлом, бутербродами с сухой колбасой, огурцом и шпротами, пивом в бутылках, лимонадом собственного производства, диковинным овсяным печением, растворимым "днепропетровским кофе", сигаретами "Ява" и многим таким, чего другие ОРСЫ не имели, а люди и в глаза не видели. Первый раз я попал на футбол с отцом. Стадион, буквально, потряс меня невиданной красоты сводчатой аркой у входа и высоким, необычным по конструкции, металлическим забором. Потом я увидел забор в Лужниках и понял, откуда робко, но всё-таки растут у нашего забора ноги. Высокие трибуны, развивающиеся флаги различных спортивных обществ, красивый с налётом античности снежно белый заборчик вокруг изумрудного без единой залысины футбольного поля. Белые полосы разметки боковых и лицевых линий, штрафных, вратарских площадок, центрального круга смотрелись с верхотуры трибун чётко и красиво. Сегодня можно было бы предположить, что эту разметку сделали пришельцы. Перед матчем команд мастеров, как правило, играли детские команды.

Стадион "Победа". Играем перед "мастерами". Георгий Ворона и я позируем перед игрой.

Стадион "Победа". Перед матчем "мастеров" играет первая детская. Бутсы только у вратарей.

Было видно, что мальчишки многому научены, лучших из них болельщики уже знали по именам и награждали аплодисментами за удачную игру. Оказаться на их месте было мечтой многих моих сверстников и я счастлив, что мне это, всё-таки, удалось.

Защищаем ворота СШ №5.

Футбольная сборная СШ №5. Нас остерегались.

Когда детский футбол заканчивался, многие мальчики оставались у поля, чтобы подавать мяч мастерам. В те годы играли одним мячом и чтобы вернуть его в игру нужно было, чтобы мальчишек вокруг поля было 12 – 14 человек, действовать они должны были слаженно и быстро.

И вот из широченных дверей павильона появились команды, сейчас начнётся разминка. Игроков ещё невозможно рассмотреть, не видны номера, но на трибунах уже восхищённо обсуждают форму, в которую одеты футболисты. В обычной жизни таких футболок, таких трусов никто никогда не видел. Футболисты цеховых команд в таких не играют: там тёмные, в лучшем случае тёмно-синие трусы, застиранные до серо-грязного цвета, некогда синие и бордовые однотонные футболки. А мастера выходят в яркой новенькой форме, в комбинированных по цветам футболках, в белых с поперечной синей или красной полосой трусах, как у динамовцев из класса "А". Народ восторженно ахает: "Гетры –

белые!".

В руках у большинства игроков жёлтые с иностранной надписью мячи и, вдруг, кто-то из футболистов сильным ударом ноги, под одобрительный свист трибун, запускает мяч свечёй прямо над центральным кругом, метров на сорок вверх и команды разбегаются каждая к своим, на период разминки, воротам. Диктор, обычно это был фанатично преданный футболу Лепский старший, начинал свой рассказ о командах, о результатах их противостояния, местах в турнирной таблице, называл составы команд.

Теперь игроки рядом, теперь видны их лица, номера на футболках, рельефные мышцы ног, завораживающие белые полоски на бутцах (в те времена полоски наносили нитрокраской: "И сделайте мне красиво!"). Зрители наслаждаются тем, как игроки любимой команды жонглируют мячами, отдают короткие и длинные пасы, как красиво парирует удары по воротам наш вратарь.

Но и с другой стороны у другой команды всё выглядит достаточно впечатляюще. Кажется, что это Боги спустились на землю и победить их невозможно. Какие там бразильцы, какие "Спартак", "Динамо", "ЦСКА" и прочие "Локомотивы". Раздаётся свисток, это у кромки поля появились трое в чёрном – судьи. В руках у главного судьи, он в центре, - белоснежный, выкрашенный нитрокраской, игровой мяч. Команды уходят в свои раздевалки. Сейчас, сейчас всё начнётся. Опять свисток и под марш Блантера команды выбегают на поле.

В те годы команды именно выбегали и становились по образующей круга, каждая на своей стороне, обозначая противостояние. Капитан обращался к своим: "Команде бла-бла-бла физкульт (или наш) – ПРИВЕТ!". С противоположной стороны одиннадцать мощных парней отвечали тем же. Разыгрывали ворота, первый удар и понеслось… Болельщики пронзительно свистели, называли игроков по именам и прозвищам: Вацек, Геца, Снитя, Дыня, Председатель, Воха, Монтёр, Мызя, Рыжий, Горбатый, Боря, Багда, Литова, Сом, Сая, Луцик, Алёха… Всё это звучало для меня дивной пьянящей музыкой. Когда действия судьи вступали в противоречия с интересами любимой команды, с трибун неслось, как заклинание, дружное пожелание: "Судью на мыло, свисток на порошок!" Или: "Судью с поля!". Удачные действия любимой команды сопровождались, перекочевавшим с хоккейных коробок, дружным многократным: "Молодцы!". Придурковатых, порою злобных, раздетых в жару и в мороз "фанов", взмах рук которых напоминает нацистское приветствие, тогда ещё и в помине не было. Болельщики разных команд сидели рядом, щёлкали семечки, подзывали девушек, которые разносили вдоль рядов мороженное и напитки. И вот наступал миг удачи: наши забивали гол. Коллективное счастье низвергалось потоком, оглушающий свист оглашал всё вокруг, у кого были кепки, те бросали их вверх без гарантий возврата владельцу. По мере того, как болельщики покидали трибуны, словно при реакции замещения, на трибунах появлялись сборщики пустых бутылок с авоськами и с мешками. Дело это, сбор-сдача бутылок, было доходным, но особо успешных предпринимателей ждали серьёзные проблемы. Сталь варить и ездить на "Жигулях", - это понятно, а бутылки, 12 коп/шт, собирать и ездить на "Волге", - извините.

Возвращались со стадиона кто как. Сесть в трамвай было невозможно, но они набитые доверху, всё-таки тащились в сторону центра без остановок. Основная часть болельщиков, отсидев без малого два часа, мирно вышагивала до "Дружбы", растекаясь кому куда.

Понятно, что дома у себя во дворе мы пытались повторять удары, пасы, жонглирование, игру вратарей и пр. Пока дворовое футбольное поле не превратили в зону отдыха для бабушек, внучат, пуделей, болонок, йорков и прочих персонажей соседской действительности, на нём проходили футбольные матчи, которые организовывала пионерская комната. Выглядело это так: нам выдавали, с виду сиротскую, но всё-таки форму, на верх подвальной лестницы вытаскивали из пионерской мощный, а потому тяжеленный "кинаповский" динамик и под тот же марш Блантера, насмотревшись в кино "Новости дня", мы как на московском "Динамо" из подтрибунных помещений, выбегали из подвала, в котором находилась пионерская комната. Потом два тайма по 25 минут, смена ворот и грязные, но счастливые мы возвращались в пионерскую, с жаром обсуждая перепитии нашей игры. Но, как правило, играли часами. Был такой Юрка Реутов, техничный малый. Так увлекался игрой, что несколько раз даже уписался. Ну не бросать же игру из-за такой мелочи. Особенно выделялись Витя и Вася Солнцевы. От Бога они имели выдающийся спортивный талант и в любой игре всегда были лучшими.

Когда я начал ходить на тренировки в детскую команду "Химика" я показывал Васе то, чему нас учили. Вася мгновенно делал всё так, как нам - игрокам детской команды ещё предстояло научиться. Однажды, уже завоевав себе место под изменчивым футбольным солнцем, договорившись с тренером, я привёл Васю на игру детских команд перед матчем мастеров. Трудно поверить, не всех нас ставили в состав на такие игры, но я же договорился и во втором тайме Вася вышел на поле центральным нападающим! Он играл в пас с незнакомыми, уже спесивыми парнями, забил пару голов после сольных проходов. Он был лучшим. Это поняли все мальчишки нашей команды. Многие из них были "трудными" из "неблагополучных семей". Чего только в нашем городе стоили названия улиц, на которых они жили: Первомайская, Широкая, Колиусовская, Коммунарная, Писки. Конечно они ревновали незнакомца к своим партнёрам, к нашим тренерам. Но они всё поняли, оценили, признали. Они подходили познакомиться, пожать Васе руку. Светловолосый, ошалевший от счастья Васёк улыбался и говорил, отвечая на приветствия: "Очень приятно, Василий". Подошли тренеры детской и юношеской команд: Ульянов Борис Михайлович и Ерохин Иван Михайлович, сказали, когда приходить на тренировки.

Но против футбола была Васина мама. Ерохин приходил к Солнцевым домой много раз, объяснял, что у Васи редкостный талант, что футбол может дать ему многое в жизни, но мама, тётя Надя, стояла на своём, а ослушаться её (таков был семейный уклад) Вася не смел. Потом Вася прекрасно играл в школьной и студенческой командах, после института уехал в Армянск, играл за местный "Титан". Был любимцем болельщиков, они называли его - Васёк. Наши семьи дружили, взрослые навещали друг друга. Нет уже тёти Нади, нет дяди Серёжи, нет Вити и Васи уже нет. В их 22-й квартире живут другие люди. Время на месте не стоит.

Юношеская команда "Днепровец". Мы вышли в полуфинал Союза.

Один из составов сборной ДИИ

Из детей первых поселенцев нашего дома сформировались две равные по численности группы. Были ребята старше нас на два-три года. Я всех их хорошо помню: Витя Матвиенко, Витя Быков, Валера Башмаков, Володя Чумаков, Лев Бродовский, Латман Валера, Армян, Змеевский Слава, Толя Морковчин, Лёня… Жили мы и взрослели без взаимных проблем. Дворового пространства хватало всем, а из тоннеля был выход прямо к проходу во двор пятой школы. Там были волейбольная, баскетбольная площадки, турники, шведские лестницы, много места для футбола, зимой заливали каток. Когда мы повзрослели, по выходным играли со "старшими товарищами" в "дыр-дыр" (футбол на маленькие ворота без вратарей) - по рублю с носа. Рассчитывались вечером возле Ленина.

Потянулся, - и достал.

Выручил

Жизнь, судя по всему, налаживалась и родители стали покупать нам велосипеды. Вначале это был "Школьник", потом "Орлёнок" и последний мой велосипед – "ЮНОСТЬ". В младших классах выезжать со двора родители нам не разрешали и мы катались во дворе по нашему квадратному променаду. Научились колесить по двору "без рук", не держась за руль. Стали старше и обычным делом стали

поездки, с неплохой физической нагрузкой, на соцгород, через плотину, на Черёмушки, на Днепр.

Артем, Васёк и я на школьном субботнике.

Голубой огонёк во Дворце пионеров. Артем, Василий, Тит и я.

Круг моих друзей расширялся. Мы с какого-то года все учились в одном классе: Вася Солнцев, Володя Артамонов, Саша Аронский. Володя Титаренко, учился в другом классе, но мы дружили. Начали вечерами бегать кросс по двору: Васёк, Артем, Арон, Тит, я и другие ребята. Десять кругов – четыре километра – вполне солидно. Родители с балконов в разных углах двора смотрели на нас, а начиная с восьмого круга, шли готовить для своих чад ужин.

."Эй вратарь, готовся к бою, часовым ты поставлен у врот..."

Один из составов юношеской команды "Днепровец"

Тут уже всё серьёзно. Сборная ДИИ. Коля Гавриляк страхует страхует своего вратаря. Но в этом эпизоде - всё с моей стороны чётко.

На сборах в спортивном лагере ДИИ

Артамонов, он же Бу–бу, он же Артем, он же Гаврилыч, он же огородник, - жил в первом подъезде. Высокий, красивый, светловолосый парень. Помнится рассказывал, что ещё одна бабушка живёт где-то на Волге.

Жили они вчетвером: мама Ольга Георгиевна – педагог, папа Григорий Васильевич - офицер, бабушка Нина Александровна и
Володя.

Интеллигентная семья, как тогда говорили, - очень симпатичные люди. Володя всегда учился только на пятёрки и бабушка в твёрдой уверенности, что очередной экзамен будет сдан на "отлично", в этот день с самого утра пекла пирог. Но кондовым отличником Артем не был. Школу дворовой жизни, как и все мы, прошёл в полном объёме: футбол, пекарь, жмурки, цурки, мучалка, драки, картишки, пляж, турбазы и пр.- всё в своё время было пройдено. Очень любил плавать часами с маской, особенно на
море.

В институте мы учились с Володей в одной группе "на сварке". Володя закончил институт с красным дипломом. Мальчишками мы с ним увлекались фантастикой, читали здоровенных размеров альманах "Мир приключений", который наши родители выписывали по очереди. Кстати читали, не в пример сегодняшним молодым людям, много. В институте Артем увлёкся туризмом. Поездил, посмотрел, послушал песни Визбора, Кукина, Клячкина, Митяева, Окуджавы и что-то в душе "туриста", такое новое прозвище у него появилось, шевельнулось и начал Володя писать свои песни. Освоил гитару и очень любил в жёсткой хриплой манере исполнить пару - троек песен, в т.ч. на дружеских пирушках, толк в которых он знал. Песни Володя писал разные, но хорошие. Написал стихов и песен много, некоторые песни посвящал тем, кого любил. Трогательные строчки он, уже будучи тяжело больным, писал, обращаясь к своим внукам. Читал их мне просветлённый со слезами на глазах.

Вместе со своей супругой и нашей однокашницей по институту Ирочкой Безуглой они родили

красавицу Леночку, которая стала мастером спорта по художественной гимнастике. Леночка родила им двух внуков, глядя на которых не скажешь, что это тот случай, когда копия хуже оригинала. Растут красивые парни, оба в деда.

Работал Володя, в основном, как тогда говорили, в органах власти. Был верным ленинцем и за коммунистическую идею был готов побороться. Из-за этого, но опосредованно, в связи с его прочтением еврейского вопроса применительно к нашему общему знакомому и моему другу, - наши отношения расстроились, но к старости всё прошло.

О Саше Аронском рассказывать можно долго, много и интересно. Начну с того, что у моей мамы, мама Саши Аронского была, ещё до войны, пионервожатой. В первом классе первой школы мы с Сашей и познакомились. Потом встретились в пятой школе. Саша был уже известным спортсменом. Серьёзно занимался баскетболом, прекрасно прыгал, бегал, здорово играл в волейбол и в футбол, считался классным нападающим. Мама Саши Александра Константиновна не просто работала директором школы, она была "Директором 23-й школы", возглавляла её. Сашин папа, Михаил Израйлевич был зам.редактора местной газеты "Дзержинец" по идеологической работе. Очень обаятельный, образованный, интеллигентный человек, фронтовик, страстный любитель футбола. Я к нему обращался: "Дядя Миша", он всегда называл меня Юрочкой, был в курсе моих школьных дел, удач и промахов во вратарских делах и мне всегда было не по себе, что такой значимый человек находит время интересоваться каким-то мальчишкой. Когда мы в первый раз целой компанией пошли голосовать на избирательный участок в мед.училище, дядя Миша подошёл к нам: "Ребята, ведите себя достойно, можете написать на бюллетене - Слава КПСС! Да здравствует мир во всём мире!". Да, так было.

Во дворе Арон, так мы часто его называли, пользовался авторитетом, мог постоять за себя, но умел жить без конфликтов. Мы бывали друг у друга в доме, общались с нашими родителями. Саша давно живёт в Германии, нам далеко за 60, но в каждый свой приезд он, обязательно заходит навестить мою маму: "тётю Софу", стоит такая душевность дорогого.

Мама. Сельцовская София Яковлевна. Детский врач.

Однажды я попал на урок по игре на фортепиано, который у Саши на дому, проводила для него некая, весьма пожилая, но не по годам темпераментная учительница. Сашка откровенно потешался, слушая её замечания и ёрничал в ответ. Дама пыталась учить юного музыканта уму-разуму, но то ли моё присутствие не способствовало учебному процессу, то ли мы оба, два шалопая, были настроены скорее оказаться во дворе, но дама выражала Сашке своё недовольство и в целом, была настроена настучать на нас Сашиной маме, для меня - тёте Шуре. По моему, это был один из последних Сашиных уроков игры на пианино. Потом уже в институте, в спортивном лагере ДИИ, пару раз, Арон, выражаясь на современный манер, как бы играл на огромном, тяжеленном старой конструкции контрабасе (Шурик Петренко называл этот контрабас, - виолончленом). Всё это происходило в нашем спортивном лагере ДИИ, под звон гитары Петрака и стук гранённых стаканов, под аккомпанемент, знаменитого своим чехлом, баяна Валеры Певзнера. Действо происходило вечерами, возле, объединявшего нас всех большого стога сена. Поверьте - это не менее интересная, но, как говорит старина Каневский, - уже совершенно другая история.

Помниться ещё одно происшествие. Тётя Шура была признанным мастером приготовления домашнего кваса. Ах, что это был за квас! Шипучий, сладкий, с изюмом, - он был разлит в бутылки из под "Советского (другого не было) шампанского". В спальне Сашиных родителей, между стеной и кроватью тёти Шуры, я сам видел эти высокие зелёные бутылки, доверху наполненные знаменитым квасом. Бутылок было много, штук 100, что, во-первых, говорило о высоком вкусе хозяев спальни, а во-вторых, свидетельствовало о размахе, с которым обитатели дома умели праздники праздновать, когда доводилось.

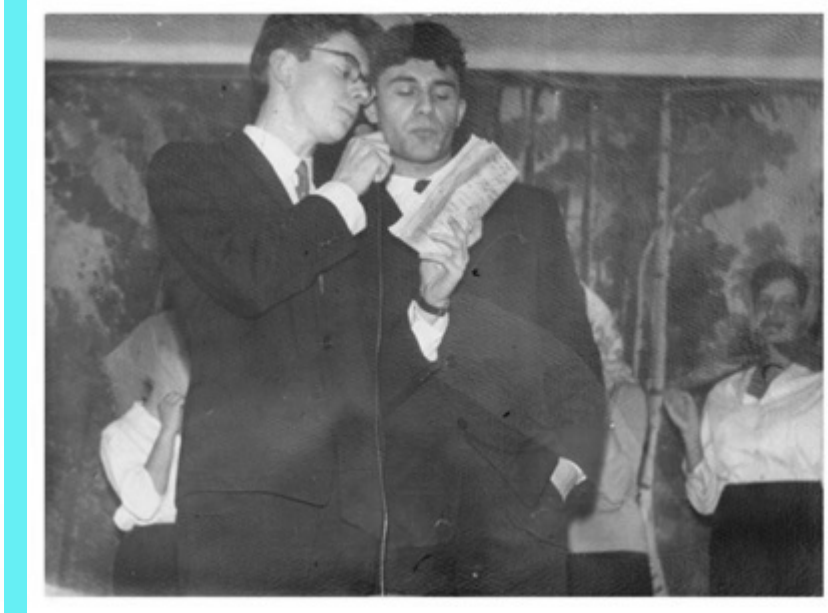
Ну вот. Выдвигаемся мы с Сашей на пляж. Тётя Шура собирает нам плоскую холщёвую сумку: посередине одеяло, полотенце, свёрток с "пожевать", а по краям две зелёные бутылки с квасом. С виду сумка напоминала спаренную зенитную установку цвета хаки. И вот мы с Саней движемся по асфальту вдоль песчаного пляжа, ищем бухту, где можно заякориться, желательно со знакомыми физиономиями и мячом. В те времена знакомых и мячей было в достатке. Вдоль асфальта стояли скамеечки, на которых после пляжа наши люди отмывали пятки от песка с помощью маленьких фонтанчиков. Сегодня такие устройства тоже есть: одна-две штуки на пляж, а тогда – через каждые 10-15метров. Сашу окликнула хорошенькая девушка. Она уже помыла ножки и стояла прямо перед нами в очень красивом белом халатике. Я порадовался за друга, какая красавица его знакомая. Девушка мило щебетала, рассказала, что этот халатик ей пошила мама и что сегодня она одела его в первый раз. Солнце ещё светило ярко, но тучи уже сгущались. Мы оба не могли оторвать взгляд от этой очаровательной девушки, готовы были слушать её бесконечно. Но наш спаренный пулемёт готовился к атаке: горлышки бутылок с разогретым квасом, сумка-то холщёвая, угрожающе начали смещаться навстречу друг другу под неким, весьма, острым углом, фокусируясь на уже выбранную цель. Давление газовой фазы под полиэтиленовыми пробками, в разогретых солнцем бутылках, начало возрастать до рабочего и неожиданно: БА-БАХ! Залп грянул! Разогретый квас, сфокусированной струёй обрушился на нашу очаровательную собеседницу. Белый халатик мгновенно стал похож на защитный камуфляж современного пехотинца армий стран НАТО. Хорошо ещё, что пробки были не пристреляны и прошли в молоко. Раздался характерный всплеск эмоций: "Ой!", она в ужасе закрыла лицо ручками и горько-горько заплакала. Что нам оставалось делать?

Остатки кваса пытались что-то натворить ещё, но их праздник уже состоялся. Вокруг начали собираться сочувствующие. Какая-то практичная тётка воскликнула: "Давай я быстро застираю и всё тут", кто-то хохотнул и через мгновения по свойски, по доброму хохотала уже вся толпа, люди садились на корточки, сгибались от смеха пополам, даже приплясывали. Получился эдакий "Флэш-моп", но мы таких определений тогда не знали. Кто-то обратился к Сане: "Эх ты! Стрелок-радист" - хохот усилился. И вот, о, чудо! Наша прелестница убрала ладошки от лица, и ещё заплаканная, начала заливаться от смеха. Мы ж были в те годы молодыми. Тётка, действительно, удачно застирала халат, а девушка осталась с нами на пляже. Потом мы возвращались домой, пили в многочисленных ларьках, вместо кваса, газировку с сиропом и с удовольствием обсуждали наше общее приключение. Дошли до угла Сыровца и Спортивной. Сашка отдал мне сумку с одеялом и бутылками: "Друг, отдашь маме", а сам пошёл провожать домой эту красивую девушку.

Всё так и было, кажется. Да, - именно так.

Нужно сказать, что в школьные годы мы не только гоняли мяч, занимались спортом. Мы активно участвовали в проведении школьных вечеров, писали рифмованные строчки, выпускали стенные газеты. В десятом - одиннадцатом классах, несколько поумнев, увлеклись игрой, которая в те годы никого в стране не оставляла равнодушными. В параллельном классе учился Боря Буксбаум. Яркий такой парень. Мы с ним дружили и были соавторами нескольких КВэНовских программ нашей школьной команды. На фотографии мы стоим рядом, в руках листы с текстами, мы молоды, улыбаемся, выглядим элегантно в костюмах и с галстуками.

КВН в СШ №5. Перед микрофоном Б.Буксбаум и Ю.Гитин. В составе команды видим Ю.Эйдельмана и В.Хилько.

КВН в СШ №5

Запомнилась встреча с командой девятой школы. Там были такие ребята, - палец в рот не клади. Сейчас всех не припомню, но знали мы друг друга и родители наши были знакомы, потому, что их фамилии я слышал в нашем доме.

Запомнился больше всех Паша Ганкин. Уже взрослыми, до Пашиного отъезда на историческую родину, мы часто общались, навещали друг друга семьями и я с теплотой вспоминаю те годы. Слава Богу, а не КПСС, - у нас теперь есть СКАЙП и можно сказать друг другу пару, по настоящему, тёплых слов.

Но вернёмся к КВН. Зал дворца культуры им.Горького ломился от болельщиков. Не то, что яблоку, - вишне негде было упасть. Педагоги и их воспитанники из обеих школ были настроены празднично, мирно, но вместе с тем решительно: плакаты, флажки, речёвки. Это был прекрасный вечер, зал взрывался от хохота и аплодисментов, зрители восторженно приветствовали обе команды, рукоплескали и своим, и так сказать, чужим. Игроки команд, вдохновлённые такой поддержкой, превзошли самих себя в каждом эпизоде соревнования. Были блестящие экспромты. Конкурс капитанов по уровню, которым блеснули капитаны команд, вполне мог бы украсить всесоюзный КВН. Мы взрослели и только начинали "выходить в люди". Нашей команде выиграть не удалось, мы проиграли. Обидно было до слёз, но – недолго. По Республиканской, заполнив почти всю улицу, мы спускались уже все вместе, игроки пятой и девятой и все наши болельщики. Вспоминали интересные моменты встречи, пытались понравиться девочкам из другой школы. "Как молоды мы были!".

В старших классах Саша Аронский, Толя Ляшенко, Толя Сахно и я начали петь на школьных вечерах квартетом. На центральном телевидении в то время хитом были Окающие "ЯрОславские рОбятЫ". Они в стиле "За ОкОлицей саксафон пОёт" исполняли частушки на общественно-политические темы. А мы по инициативе Толи Сахно сочиняли частушки о наших школьных делах. Толя, высоченный парень, баскетболист, центровой сборной города, учился в параллельном классе. Толик Ляшенко – одноклассник, красавец, изящный юноша, с тонкими чертами лица, девочки по нему просто сохли - капитан сборной города по баскетболу, сегодня известный всему Днепродзержинску, и не только, - врач-стоматолог. О Саше я уже рассказывал. Мы усаживались на четыре стула, Толя Сахно растягивал меха баяна и мы, пародируя столичных исполнителей, начинали:

Мы рОбята с пятОй школы,
Заявляем вчетверОм,
Не станцуем и не спляшем,
Ой, а частушки пропОём.

Потом мы, под одобрительную реакцию слушателей, повествовали о наших школьных делах, а в конце обращались с многозначительным предложением к лучшей половине зала:

Завтра будет вОскресенье,
Мы Вас, девОчки зОвём,
В шесть часов у ПрОметея,
Ой! Мы частушки допОём.

Мы поднимались, кланялись слушателям. Толя доигрывал мелодию, а мы подхватывали наши четыре стула и под аплодисменты зрителей покидали сцену школьного актового зала. На наш квартет обратили внимание и мы получили приглашение на городской школьный "Голубой огонёк" во Дворец пионеров. Сохранилась фотография, на которой мы что-то поём, на Сашке Аронском головной платочек, возможно играл девичью роль, но – не вспомню. Есть фотографии, на одной моя одноклассница Тоня Новохатская и я на том же голубом огоньке, перед нами на столике две чашки и пирожное "лето", на другой - Василий, Артем, Тит и я. Что тут скажешь – всё проходит.

КВН в СШ №5

Комсомольцы Тоня Новохацкая и Юра Гитин на "Голубом огоньке" во Дворце пионеров.

Наши учителя – это отдельный разговор. В шестидесятые годы в пятой школе подобрался необычайно сильный педагогический коллектив. Обо всех не расскажешь, но вот позволю себе пару слов о тех, кого вспоминаю чаще других. Географию нам читала Ангелина Алексеевна Вовк.

С мужем на "Волге М-21" они объехали всю страну, - фамилия обязывала. Ангелина рассказывала нам о южных городах, об уральских промышленных центрах и городах Поволжья, о Прибалтике. Экспрессивная, умница она рассказывала так живо, так интересно, что, когда в составе нашей группы МСП-66-1д мы приехали на экскурсию, (Вы себе представляете, в Ригу!), я понял, что это за состояние -

"Дежавю". Я точно знал, что мне в Риге многое знакомо. Домский собор, кладбище латышских стрелков, Саласпилс, радиозавод им. Попова, рижский вагоностроительный, привокзальная гостиница "Балтия", рестораны с тонко нарезанным хлебом, в которых дуэты-миксты с исполнителями почтенного возраста, пели неведомые нам песни. Даже кабачок "13 стульев", персонал которого был потрясён в те дни дозами одномоментного приёма "Рижского бальзама" некоторыми представителями славного Днепродзержинского студенчества. Даже этот объект Рижского Общепита был мне знаком со слов Ангелины Алексеевны.

Русский язык и литературу нам преподавала Картамышева Вера Григорьевна. В школе её любили, называли Верочкой. Яркая, откровенно красивая женщина, с необычайно приятным тембром голоса, шлейф пьянящего запаха духов "Огни Москвы". Способность, как она говорила: "Наизусть!", читать целые главы из "Евгения Онегина", читать и читать нам Лермонтова, - всё это наша Верочка. На последнем выпускном экзамене по украинской литературе Вера Григорьевна, тогда уже завуч, контролировала процесс, как представитель педагогического коллектива.

Экзамен мы сдавали стервозной преподавательнице Надии Петривни, а у меня с ней отношения не сложились. Украинский я учил, знал, но был, да и по сей день остаюсь, предельно резким, - если сталкиваюсь с людьми, на мой субъективный взгляд, потенциально хреновыми. Надия решила отомстить. О медали речи не было, но экзамены я всегда сдавал только на пятёрки. И вот, как дополнительный вопрос, Надия спрашивает у меня Тычину.

Я начинаю читать: "… бо між наших вороних…", Надия перебивает и просит "На майдані ….". Я всё это знаю, отвечаю ей. Тичина для меня не графоман, я читал его "Письма с фронта", - рекомендую. Надия не унимается требует раздражённо, сучище, что-то ещё. "Прекратите!", - хлопнула рукой Вера Григорьевна: "Хватит! Иди Юра. Пять!".

Общение с пацанвой футбольного мира, конечно, наложило на меня свой отпечаток. В сердцах, по-вратарски присев на одно колено, я запустил, ни в чём не повинный учебник украинской литературы, вдоль пустынного длинного школьного коридора, в конце которого, как снег на голову, появилась гроза всей школы и тоже завуч, а она им была всегда, Надия Федоривна Губа. Украинская хрестоматия, наконец-то дождавшись, сравнительно благополучного для неё, окончания учебного года, радостно финишировала, уткнувшись прямо в ноги грозного завуча. Опустим некоторые подробности, последовавшего за тем монолога, справедливо возмущённого педагога. Не стоит припоминать жалкие попытки провинившегося выпускника школы, хотя бы извинится. Но коридор был пуст, это был последний экзамен, Надежда Фёдоровна учила меня украинскому ещё в младших классах, знала нашу семью, всегда относилась ко мне по доброму, а повинную голову…., сами знаете.

Классной дамой у нас был учитель истории Климовицкий Григорий Хананович, он и до нас и после, был обречён на прозвище - Ханан.

Наш дорогой и любимый Климовицкий Григорий Хананович

Григорий Хананович Климовицкий - Ханан

Григорий Хананович, не то, чтобы спорт не любил, но по отношению к спортсменам из Его класса был настроен весьма саркастично. И когда подворачивался повод, скажем не та оценка за устный ответ или письменную работу, он, обращаясь к высоченному баскетболисту Грише БАрану, намеренно произносил его фамилию с ударением на втором слоге. Хамство конечно, но, что было, - то было. Если это касалось меня, - в ход шла известная притча: "Были у матери три сына, два умных, а один - футболист".

Но Ханана мы любили и было за что. Он был эрудирован, интересен, как личность, умел пошутить и предмет, в самом широко смысле этого слова, - знал прекрасно. Григорий Хананович запомнился мне в тёмном костюме, с тёмным галстуком, в больших тёмных очках, с громадной тяжёлой указкой. Был такой случай. Григорий Хананович рассказывал нам о раскопках греческой Трои. На первой парте центрального ряда с правой стороны, Люсенька Бограчевская тогда еще с нами не училась, а это потом стало её местом, - сидел Сашка Горшков. В народе Горшок. Он с первых дней жил в шестом подъезде. Мы дружили, парень он был хороший, росту невеликого (ни о каких сравнениях с бытовой утварью, - речи быть не может). Он был знаменит тем, что, практически, каждый ответ у доски начинал с ожидаемой всеми фразы: "Я забылся!". Сашу Горшкова сослали на первую парту для повышения успеваемости. Так вот Григорий Хананович рассказывает нам о раскопках Трои. Ощущение такое, что он там был, копал и всё сам видел. Григорий Хананович всё глубже погружается в роль археолога. "Сняли первый слой!" и указка, тяжёлая и громадная, со свистом, как нечистая сила, пролетела над Сашкиной головой. Чувствуя недоброе, Сашка прижался к парте. "Сняли второй слой!", опять в миллиметрах над Сашкой свистит указка и по всем законам фехтования Климовицкий мог бы праздновать абсолютную победу. Но, как выяснилось, оставался ещё третий слой. "Сняли третий слой!" и указка опять хищно пролетела над Сашкой, который был в этот момент сравним, разве, что с классным журналом на разглаженной скатерти на столе учителя. Сознание возвращалось к нашему рассказчику. Но это ж был Ханан! Какой там Галкин? И он спросил: "Горшков! Ты! Спишь на парте у меня на уроке?!". Неужели всё

это было и так давно? Было. Хохот был таким, что мы, о позор на наши головы, прозевали святое - звонок на перемену.

Вспоминается ещё одна история. В восьмом классе я пришёл к пониманию, что мне, как вратарю, городской школьной сборной, нужно повысить темпы роста моего спортивного мастерства. Следует тренироваться два раза в день! Но, - мешала необходимость посещать школу. И тогда я нашёл, нужно ж было до такого додуматься, гениальное решение. Утром, не откладывая в долгий ящик задуманное, я подошёл к Ханану. "Григорий Хананович",- голосом тяжело больного человека обратился я к классному руководителю, - "Что-то у меня сердце болит, плохо мне". Ханан, мудрый Ханан, участливо поинтересовался: "Может скорую вызвать?". Я отказался, сказал, что сегодня побуду дома, - и меня отпустили с уроков поправлять, пошатнувшееся здоровье. Я тут же рванул на стадион.

Это был запоминающийся день. Я тренировался в группе, мальчишки которой учились во вторую смену. Я тренировался со своей группой. Меня взяли играть "двухстороннюю" со старшими. Какой восторг! Вечером, как хороший мальчик, я сел за уроки, кому-то звонил, записывал, что заданно и уже хотел спать. В дверь позвонили и что-то, таки кольнуло у меня в сердце. В дверях стоял, кто бы Вы думали – Климовицкий с портфелем. "Тысячу извинений. Сумашедший день: педсовет, вечерники…, но как у Юры с сердцем?", взволновано спросил Ханан. Я стал свидетелем немой сцены в исполнении ближайших родственников. Потом был накрыт стол: бабушкин пирог, как фрагмент обязательной домашней программы, розовый (из лепестков роз) ликёр, чай и интеллигентные люди повели неспешный разговор "за жизнь". Мы с папой пошли ко мне в комнату и наш разговор был недолгим, но запоминающимся.

С большой теплотой я вспоминаю ещё двух замечательных педагогов, славных, добрых женщин. Всегда весёлую, улыбающуюся Волпянскую Любовь Даниловну и сдержанную с отличной фигурой Марию Яковлевну Грейсман. Как-то в какой-то компании, в старших классах, я оказался за столом рядом с дочкой Любовь Даниловны Белочкой, но не знал этого. А Белочке нужно было перебраться к кому-то на противоположную сторону. Желание дамы закон и со словами: "Или Волга не река или мы не мужчины", я под коленки и под плечики поднял со стула и передал дочку Любовь Даниловны на противоположную сторону стола. Через некоторое время Белочкина мама глубокомысленно заметила: "Вот так разбиваются женские сердца". С Вовкой Грейсманым я был знаком аж с детского сада и Мария Яковлевна об этом знала. Грейсманы отличались тем, что все, как на подбор, были улыбчивыми, красивыми людьми. Иногда на уроках, когда поведение, в частности моё, выходило за рамки допустимого, - Мария Яковлевна, пряча улыбку, говорила: "Гитин! Если со мной на уроке что-нибудь случится, - ты будешь радоваться". "Нет Мария Яковлевна", - неслось в ответ, - "Мы радоваться не будем!. Те ещё ученички.

А двор или "Коробочка", так его стали называть в городе, - жил своей бурной жизнью. Свадьбы, похороны всё мы у себя во дворе видели. Рождались и очень быстро взрослели новые мальчики и девочки, вытянулись и стали защищать жителей нашего дома летом от солнца, некогда тоненькие деревца, появлялись новые жильцы.

"У нас будут жить аргентинцы", - горячо обсуждалась во дворе свежая новость. И вот над нами на

третьем этаже поселились аргентинцы. Ну, какаВо! Интересно же. Точно в такой же четырёх комнатной квартире, как наша, но с двумя балконами, поселились папа, мама, мальчик со своей сестрой, дедушка и бабушка. В соседних домах тоже поселили аргентинцев. Пришла очередь знакомиться во дворе, а как знакомиться, когда Даниил и Мобилька, так звали детвору, по- русски ни бум-бум. Но чуть-чуть футбола, пара-тройка крепких словечек, смотрим Даня начал процесс адаптации, который он прошёл экстерном. Мобилька сыграла пару раз в классики, попрыгала на скакалке, поиграла во всем хорошо знакомого садовника, вытащила девчонкам каких-то ненашинских кукол и тоже всё пришло в норму. Дети эти этапы проходят "на раз". А вот взрослые. Тут всё не так просто.

Кто такие эти аргентинцы, которые бросив всё в далёкой Аргентине, прибыли к нам в Днепродержинск. Это были украинские эмигранты и их дети, которые спасаясь от очередной аргентинской фашистской хунты, приехали искать счастья в подзабытую, но сидящую занозой в сердце Украину.

Родина встретила их по- матерински тепло. Старики возглавили городскую кулинарию при ресторане "Днепр". Выиграли все: кухня "Днепра" стала знаменитой, сиротская "Кулинария" наполнилась ароматами вкусной и здоровой пищи, появились полуфабрикаты блинов, коржей для пирогов, готовые салаты, голубцы, мясные, печённые блюда и много всякой всячины, о которой только мечталось. Дед и баба наших соседей изрядно добавили в весе, но приходили к нам вечером на чай, по-соседски, с потрясающими печёнными пирожками и булочками. На каком-то этапе бабушка сказала, что проще купить пирожки в кулинарии, чем печь их целый день. Загорелые, как после Сочи, пирожки расходились молниеносно. Но гументаш (сладкие пирожки с маком) – бабушка пекла всегда сама.

Гости в нашем доме собирались очень часто. Столы накрывались, как на свадьбу. В спальне дедушки и бабушки разбирались металлические кровати, тут же писАли сценарий и вот Вам - театр. В компании были разные по профессиям, но умевшие жить с улыбкой люди: врачи, инженеры, педагоги. Я в штате театра числился звукооператором: менял пластинки, потом заведовал магнитофоном.

Запомнилась одна из миниатюр, которая вызвала откровенный хохот. Посередине комнаты выставили два стула, расположив их спинками наружу. Потом многочисленная группа мужчин, водрузив на большую самодельную и от того неподъёмную в обычных условиях гладильную доску, Григория Давидовича Крукера, приладили доску с пациентом на спинках стульев. Это ж таки-да были стулья. Предстояла "хирургическая операция", а зрители сплошь – врачи. Кто-то спросил: "Гриша! Тебе там одному не скучно?". Потом поднесли сто грамм наркоза и больной и хирург под хохот зрителей выпили на брудершафт. В роли хирурга был известнейший в городе врач Гурвич Арон Маркович и он был уже в белом халате. Хирургу одели маску, и ассистент вложил ему в руки нож и вилку. Арон Маркович начал манипуляции с фраже в зоне Фаберже. Хохот и комментарии зрителей, в полной мере соответствовали моменту. Дядя Гриша тоже давился от хохота, возможно даже от каких-то ощущений, и наркоз для участников операции повторили. Дядя Роник (Арон Маркович), закусив бутербродом, оглянулся и спросил: "Чем бы ещё закусить?" Потом вернулся к процедуре и под бурные аплодисменты вытащил из брюк оперируемого два куриных яйца. Народ от души приветствовал артистов, а я теперь понимаю, что такого я больше никогда не увижу, да и негде. Аргентинские товарищи тоже были в восторге от всего

происходящего на их глазах.

Возвращаясь к аргентинцам, нельзя не сказать пару слов о футболе. На этот раз гости были у них. Там собралась компания молодых ещё людей. Звучали танго и другие мелодии, с которыми они выросли в Аргентине далеко от Днепродзержинска. У нашего соседа, типичного латиноамериканца с чёрными усами, - красавца Васи, ставшего модным закройщиком, в том числе на дому, жена, как я теперь понимаю, была точной копией Мерелин Монро, но кто это в нашем дворе мог тогда знать. Она и ходила не так, как другие. Юбки, платья были приталены, укорочены и широко развивались, пахло от неё неведомыми духами, всем она приветливо улыбалась. И вот Вася с супругой спустились с третьего этажа к нам под балкон, остальные аргентинцы образовал зрительский круг. С балкона третьего этажа, довольно громко, зазвучала мелодия и Вася и его в белых кудряшках жена начали танец. Мальчишечье восприятие не позволило мне тогда оценить мастерство и чувственность партнёров, но на квадрате в окружении второго, третьего, четвёртого подъездов и домика для мусора, кипела настоящая латиноамериканская страсть, которая не оставляла равнодушными зрителей, сбежавшихся со всего двора.

Все балконы были забиты соседями, ошарашенными разворачивающимся во дворе действом. Лучше всего было видно с балконов Алексеенко, нашего и Одиновых. Личный состав семейств стоял на балконах, как почётный караул, и не по уставу, а от тесноты вытянув руки по швам. Начали танцевать и другие аргентинские пары, старые и малые. Ну как тут было удержаться нашим. Пошли в пляс соседки-тётки. Партнёров у них, естественно, не было, мужики забивали козла, - и тётки отплясывая с притопами да с прихлопами, радостно повизгивая, как на свадьбе где-нибудь в Криничках, были просто счастливы. Но этим дело не закончилось. Появился оранжевый, как апельсин, ниппельный футбольный мяч. В то время мы таких мячей ещё не видели. Интерес к танцам начал спадать и аргентинцы, в сопровождении мальчишек, потянулись к асфальтовой площадке за мусорником.

Зимой на этой площадке играли в хоккей без коньков, летом в пекаря, став старше играли в футбольный квадрат и отрабатывали удары по воротам, которыми служила стена гаража инвалида войны дяди Васи. Вот на эту площадку, метрах в трёх от мусорного домика, мужская часть представления и вышла. Аргентинцы стали в круг и начали, достаточно технично, жонглировать мячом , не давая ему упасть на землю и передавая его ногами друг другу. Всё это происходило на глазах у наших почитателей домино, кстати, больших любителей футбола, - просто всю свою жизнь, жили они иначе. Сейчас на этой площадке, прижавшись, стоят машины. В квадратик, в пекаря пацаны не играют.

Мы возвращались по домам, а дом, как театр с вешалки, - естественно начинается с подъезда. Подъезд был чистеньким, "бычков" на стенах никто не гасил, гадостей на стенах никто не писАл, была женщина, которая следила за порядком. Несколько раз в неделю я запрыгивал на пятый этаж по лестнице поочерёдно на левой, правой и на двух ногах, - тренировался, знаете ли. Аргентинцы изменили подъезд до неузнаваемости: на площадках между этажами перед окнами появились стулья, на подоконниках стояли цветы. Вася организовал на дому пошивочный цех. Работал и в ателье и дома. На третий этаж к модному закройщику тянулись люди, в основном женщины. Как-то Вася заменил маме подкладку на пальто и все наши знакомые дивились мастерству нашего соседа. Подкладка бала блестящая, вишнёвого цвета, углы пол пальто украшали розы, прямо, как настоящие.

Папа сказал: "Софуля! Это пальто нужно носить подкладкой наружу".

Папа. Гитин Михаил Ильич.

Уехали аргентинцы также быстро и дружно, как и приехали. Помню разговоры о том, что они в больших количествах увезли с собой нашу электротехнику, что-то ещё. По словам соседей в Аргентине всё у них сложилось плохо, пришла очередная хунта и им, выходцам из Союза, пришлось несладко. Мы переживали, как там наша красавица Мобилька, как Даниил. Никаких вестей от них так и не было. Жизнь шла своим чередом.

И пришёл ко мне выпускной вечер. Много об этом говорилось и он таки пришёл. В тот год, 1966-й, пятая школа устраивала выпускной балл с особым размахом. Одновременно выпускались во взрослую жизнь четыре класса: два десятых, как ориентир на последующие годы, и в последний раз - два одиннадцатых. Советская школа возвращалась к истокам - к десятилетке. Выпускные экзамены были уже позади, вступительные - казались далёкой и потому туманной перспективой. Выпускной вечер был событийным для нас мероприятием, что ни говори - последний школьный вечер и мы его ждали. Честно говоря, как начинался вечер я не помню. Дома в альбоме есть фотография, на которой виден переполненный актовый зал и по центральному проходу ведут выпускников к сцене для исполнения известных ритуальных танцев. Девочек на фото не видно, а все парни в тёмных костюмах и галстуках. Всё! Больше ничего не помню, было и прошло.

Начало выпускного вечера. Заходим в зал: В.Беда, Г.БАран, В.Артамонов,В.Ващенко, Ю.Гитин.

Девочек на фото нет, - но одна девочка, - она была. Училась в нашем классе Таня Килимнюк. Хорошая девочка, из хорошей семьи, наши родители были знакомы. От нашего дома до дома, где жила Таня и ста метров не наберётся. Девочки меня не интересовали, на свидания я никогда не хаживал. Ну, какая же девочка выдержит сравнение с футболом? Одиннадцатый класс, нужно учиться, тренировки, игры, сборы, школьные вечера, КВН.

Нет, решительно нет, - девочки не востребованы.

Танюша Килимнюк. О том, что кроме друзей и футбола рядом десять лет учится такая красавица, я узнал на выпускном вечере.

В руках у нас не веники для бани. Это т.н "Последний звонок". Гриша БАрон, Володя Ващенко, Володя Шишлов, парня в клетчатой рубашке не помню и я.

Помнится в восьмом, что ли классе, наши девочки устроили вечеринку в доме у Лариски Мартовой. Жили они на Проектной улице, теперь ул.Сачко, всё это на расстоянии вытянутой руки друг от друга. Её родители радушно встретили встретили гостей, всех они нас хорошо знали. Конечно, наготовили всего и

отправились по своим делам. Вот тут я хорошо всё помню. Вместо коричневых платьев и чёрных фартуков на наших одноклассницах были нарядные платья, туфли на каблуках и все повязали на себя красивые переднички, - из дому принесли. Девушки крутились на кухне, заканчивая приготовления, а я мысленно сравнивал их действия с тем, как это делала, накрывая на стол мама. Мои друзья тоже притихли, слегка ошарашенные всем увиденным. Мы ещё выбивали на счёт мучалку, играли в подъезде с выключенным светом в панаса, иногда пускали в ход кулаки, а они – на каблуках! Потом, уже без передничков, юные хозяечки подошли к открытому балкону, щёлкнула зажигалка и они все закурили... Ё моё! Девочки взрослели, а мы продолжали играть в футбол.

Выпускной вечер. Вот какие красавицы учились в нашем 11-А.

Вот и Таня повзрослела, откровенно похорошела. Кто-то из наших одноклассниц даже обмолвился, что видели Таню с незнакомым молодым человеком. Кому это было интересно. Мне, точно, - нет. Как всё произошло на выпускном вечере я не помню, но иногда у мамы в альбоме вижу фотографию, на которой мы в танце с Таней на эдаком целомудренном расстоянии. На заднем плане Григорий Хананович, он в тот вечер руководил классом, пока все не разошлись.

Выпускной вечер. Мы танцуем с Танюшей, Григорий Хананович и Вера Григорьевна (Верочка) - поют и шутят со своими воспитанниками.

Столы были накрыты в спортивном зале. Всю эту ораву нужно было усадить, организовать, самим отдохнуть, ну и проследить, чтобы чего не вышло. Я танцевал весь вечер с Танюшей, теперь я её называл Танюша. На меня, неопытного в сколь-нибудь личностных отношениях, бесхитростного парня, навалилось новое, неведомое до селе чувство и я, не осознавая чем, но был вдохновлён. Хотелось быть внимательным, остроумным, весёлым и понравиться Танюше.

Выпускной. Танюша.

В спортивном зале было шумно, душно, звучали тосты, кто-то кого-то старался перекричать, чтобы успеть сказать на прощанье что-нибудь хорошее всем тем, кого ты, как оказалось, любил всей душой.

Григорий Хананович подозвал меня, усадил рядом, разлил нам с ним и Вере Григорьевне (Верочке) коньяк и мы выпили друг за друга. Потом он наклонился ко мне и сказал: "Из-за твоего дурацкого футбола я недосчитался одной золотой медали". Ханан мне льстил, но некая сермяжная правда была в его словах, видимо статистику я ему подпортил, но, возможно, он сказал о чём-то другом.

Выпускные экзамены.

Первое мая. Мы позируем с сигаритами, Володя Титаренко и я.

Григорий Хананович Климовицкий вручает мне диплом об окончании школы.

"Хватит его воспитывать, он уже взрослый", сказала Вера Григорьевна и поцеловала меня, а я поспешил к Танюше.

В школе я дружил с нашим школьным "начальником радиоузла" Борисом. В его комнате стоял устойчивый запах разогретой канифоли, ацетона, много было разных проводов, штекеров, микрофонов, кассет с плёнкой, стоял, удивительный по тем временам, магнитофон "Тембр" на 19 оборотов. Отсюда я вёл школьную радиогазету, поздравлял именинников, победителей олимпиад, призёров спортивных соревнований. Борис предложил нам с Таней зайти к нему в радиоузел, и так сказать, перевести дыхание. Мы охотно согласились и пошли за Борей, к нам присоединились Валёк Товкевич и кто-то из выпускников десятиклассников. Сидим беседуем, хорошо друг друга знаем, дружим, - двери открыты и в дверях появляется директор школы Линина Порьфирьевна. Что она себе придумала, увидев наше отсутствие, сказать трудно, но спросила строго по-директорски: "Таня! У Вас всё в порядке?". Мы её успокоили, да она и сама знала, что эти ребята её не подведут. Я с каждой минутой всё больше увлекался Танюшей. Я проучился с ней десять лет со второго класса и ничего о ней не знал, никакого места в моей достаточно бурной жизни, как и любая другая девочка, она не занимала, а тут…

Встречать рассвет на Днепр, была такая традиция у выпускников, мы с классом не пошли. Тихо отделились от всех, прошлись по скверу до Ленинградской, потом до площади Ленина. Я первый раз в жизни шёл по родному городу рядом с девушкой, да ещё с какой! Конечно, мы говорили о наших

родителях, вспоминали школьные истории, делились планами на будущее. Таня хотела присесть в сквере на скамейку и я, как галантный кавалер, провёл пальцем по крашенной доске: на доске появилась светлая полоса, а палец стал чёрным, - Дзержинка давала план. Мы дошли до Днепра. Перед стадионом "Комсомолец", на котором я играл за серьёзную по тем временам, команду "Турбина" нам повстречалась разухабистая компания местных (с Писок) босяков. Но они меня, своего вратаря узнали, поздравили нас с окончанием школы и все, овладевшие мною в тот момент страхи, прошли мимо.

Если называть вещи своими именами, - то я влюбился и поверьте в такую девушку, как Танюша, не влюбиться было нельзя. Утром, уставшие и бледные после бессонной ночи, мы подошли к Таниному дому, попрощались и я поцеловал мою любовь в щёчку. Танюша сказала: "У меня очень болят ножки". И тут я, балбес, вспомнил, что, когда мы, по инициативе Тани, в наших беседах затронули красоту женских ног, а у Тани ножки были "Высокий класс!", я, шутя ляпнул, что для гарантий красоты ног нужно много ходить на носочках. И она, лапочка, всю ночь, в босоножках, проходила на цыпочках.

Таким я был у нее кавалером.

На следующий день Таня уехала в Винницу, поступила в медицинский, быстро вышла замуж. Мы никогда больше не виделись. Иногда, встречаясь с её лучшей школьной подругой Анечкой Лизенбаум, я интересовался, как поживает Таня и просил передать ей привет. Но Анечку я встречал, крайне редко.

Через несколько дней после выпускного, мой любимый дед Яков, обуреваемый положительными эмоциями, гипертрофированным, как очевидно для меня сегодня, чувством альтруизма, возможно, приобретенной по наследству склонностью к филантропии, - решил сделать памятный подарок моей родной школе. Ничего лучшего он не придумал, как подарить громадный "цейсовский" микроскоп, привезенный, всё с документами, из Германии.

Мой дедушка Сельцовский Яков Давидович

Моя бабушка Сельцовская Мария Григорьевна

Под радостные, от нахлынувших на них светлых чувств, комментарии бабушки и мамы, папа, как всегда

был уже на работе, я взвалил на себя деревянный ящик с тяжеленным чугунным немецким чудом и мы с дедушкой Яшей отправились в школу. Идти было недалеко, но ящик с микроскопом всё время сползал с плеча и я с облегчением водрузил его на директорский стол Линины Порьфирьевны. Дед светился от счастья. Когда наша директриса увидела микроскоп, она была потрясена. Не веря всему происходящему, она первой в судьбе микроскопа, перебирала дрожащими от волнения пальцами ухоженных рук вощённую бумагу, в которую были завёрнуты, уже тогда не имеющие цены линзы и прочие комплектующие фантастического прибора. Она аккуратно завернула в упаковку всё, к чему прикоснулась её рука, и решительно начала отказываться от бесценного подарка. Сегодня можно полагать, что у неё на столе стоял "Мерс". А тогда я очень надеялся, что переть микроскоп домой мне не придётся. Я оказался прав, мы тепло простились, с приятно взволнованной Лининой, и отправились домой.

Всё! Школа закончилась. Через некоторое время в школе в физическом кабинете, еще в каких-то помещениях случился пожар. Сгорели наши фотоальбомы, фотографии со школьных вечеров, КВН, спортивные фото, неумелые стихи. Сгорел и микроскоп.

Но уже началась другая жизнь. Жизнь взрослого человека. Со всем набором радостей и мерзостей, коими эта жизнь так богата. Хорошего было всё-таки больше. Были и горестные минуты. Были мгновения, часы, годы, когда росли мои красавицы и умницы дочечки. Была периодами очень интересная работа, которой я был безмерно увлечён и которая дала достойные результаты. Я был знаком с великолепными людьми, имел честь работать или вместе с ними или под их началом, совместно решать ответственные производственные задачи, я искренне благодарен им всем и мне сегодня смотреть себе в глаза не стыдно. Нет ни одного дня, когда бы я смалодушничал.

Это ведь не школьные годы: "Детство, отрочество и юность". Тут писать нужно в разы больше. Но, как говорила моя бабушка Мария Григорьевна: "Не хватает кейхес". Если Вы случайно не знаете идиш, то не хватает сил.

Вот соберусь когда-нибудь…

Всем, кто прочёл, огромное спасибо.
Ваш Ю. Гитин.
14.08.13г.